

Светлана Савицкая

Светлана Васильевна Савицкая – доктор философии, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси», член Союза писателей России, единственный писатель, чьи книги оформляла Джуна. Сотня притч с названием «Энергия сердца» с оформлением Никаса Сафронова, книга притч «Энергия мудрости» – более пяти десятков книг на 14 языках мира: художественных и научных книг, военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почётного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии, исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине, Сербия вручила писателю «Златну круну». Светлана Савицкая обладатель множества других Гран-при и литературных премий.

САХАЛИН. ПОСЛЕДНИЙ ОСТРОВ

Письмо первое

Привет, папка. Выхожу из зоны турбулентности, но в любой момент могу оказаться вне зоны доступа сети. Не сердись. Оставляй сообщения после гудка.

Обещаю осыпать подарками, что удастся осмыслить. Тем, в кого верит Бог, он ведь подарки не дарит – подарками осыпает! Да вот промысел подарку рознь!

Вот первый.

Перед полётом на Дальний Восток я тут народ рассмешила. Будем лететь, говорю, 8 часов через ночь, поднимемся на борт, и тут СТРЕМИТЕЛЬНО наступит темнота!

Некоторые товарищи тут, скрючившись, в центре салона, с помощью виски телепортировались. А для остальных темнота НЕ наступила.

Смейся над дочерью своей неразумной%))) Не выходя из солнечного наркоза заката, СТРЕМИТЕЛЬНО ворвались мы в начало Света восхода. Так что твоя торопыга опережает тебя, папка, на 8 часов!

Мы едем сейчас по дождливому холодному Южно-Сахалинску. За бортом 4 градуса тепла. А «ощущается», что холода.

И как сказал Чехов: «Пьеса готова! Осталось только лишь её написать!»

* * *

До японцев на островах Курильской гряды жили тонцы. Потом айны отвоевали у тонцев в том числе и Сахалин, переняв татуировку губ у женщин и мечи тонцини. Две тысячи лет японцам понадобилось для вытеснения айнов с островов Японии. Представляешь?

А вот на Сахалине, являющимся местом русской каторги и ссылки, Японии пришлось столкнуться с нами лишь в Первую мировую. Как ты знаешь, в Русско-японской войне 1905 года мы проиграли. И до 50 параллели южная часть Сахалина отошла Японии. Япония старалась истребить и русское и айнское население, чтобы сделать остров «необитаемым».

После революции 1917 года Северный Сахалин вошёл в состав Дальневосточной республики. А на Южном уцелело не более полутысячи русских.

В 1920 году Сахалин был полностью оккупирован Японией и отменены все законы России вплоть до Пекинского договора в 1925 году, по которому Северная часть снова отошла к нам. Полностью Сахалин вернулся в состав СССР только после Второй мировой войны.

Приметами времени остались тут множество могил. Русских. Японских. Разных.

И, несмотря на то что в общем война была проиграна, мы помним героические эпизоды.

Так, в феврале 1905 года 214-й пехотный Мокшанский полк в тяжелейших боях между Мукденом и Ляояном попал в японское окружение, и, когда заканчивались боеприпасы, командир полка полковник Пётр Побыванец отдал приказ: «Знамя и оркестр – вперёд!..»

Капельмейстер Шатров вывел оркестр на бруствер окопов. В ходе боя полк под музыку оркестра непрерывно атаковал японцев и, в конце концов, прорвал окружение. В бою погиб командир полка, от четырёхтысячного личного состава осталось 700 человек, а из оркестра уцелело только семь музыкантов!!! За этот подвиг они были награждены Георгиевскими крестами, Илья Шатров – офицерским орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами, а оркестр удостоен почётных серебряных труб.

В честь погибших товарищей в 1906 году Илья Шатров создал известный каждому русскому сердцу священный вальс «На сопках Маньчжурии».

Письмо второе

Добрый день или вечер. Пишу с АЙНУМОСИРИ – земли айнов. Так называли коренные жители остров Сахалин и острова Японии! Сирия – Россия – Масква – ДаМаск – не напоминает???

Согласно преданиям, «Было время, когда первые айны спустились из Страны облаков на землю, полюбили её, занялись охотой и рыболовством, чтобы питаться, танцевать и плодить детей».

Нехитрые задачи, правда? Заметь, никакого государственного мышления и коммунистического коллективизма – сплошной индивидуализм! За что народ и был рассеян, и почти растворился на карте планеты где-то между Сахалином, Курильскими островами и Японией.

Здесь всё по Пушкину – и Лукоморье со золотыми цепями исторических меридианов и параллелей. По ним хожу я подобно учёному коту, причём когда иду направо – пою песни, а налево – ясное дело – рассказываю сказки! Ну, нельзя же нарушать хороших традиций!

Пойми меня, мой русский Андерсен. Любой рассказ может выливаться из писателя только со слезами, вместе с выпавшим осколком кривого зеркала любви или ненависти, негодования или восторга. Но непременно эмоционально. Только тогда читатель, в глаз которого попадает осколком зеркала души твоя эмоция, проживёт виртуальный катарсис как маленькую жизнь – до финала.

О ссыльно-каторжном Сахалине Материк исторически говорит обычно осторожно, точно человек, старающийся не жевать коренным зубом с открытым нервом.

Журналист задаёт людям вопросы, на которые заведомо знает ответ. Писатель же, что учёный кот, сказки да анекдоты рассказывает. В ответ обычно три варианта – либо бурная реакция соды, когда на неё попадает кислота, либо осторожное молчание, либо ответная сказка, как некое научное открытие или точка опоры, способная перевернуть мир!!!

Остров Сахалин имеет форму осетра с раздвоенным хвостиком, на котором японцами было установлено три маяка: Анива, Лаперуза и Камень Опасности. Между кончиками хвоста – залив Анива. Теперь понимаешь, почему пролив Лаперуза между нашими странами не единственный?! И здесь снова не обошлось без политического казуса. Туманный стык трёх морей между японским Хоккайдо и российским Сахалином японцами называется проливом Соя, а европейцами – проливом Лаперуза. Уважая обе цивилизационные системы, на глобусе нанесены оба названия.

И маяки эти, воткнутые точками акупунктуры в останцы гор на Краю Света, на самом деле – прогрессивная мысль человечества.

У русских – род, родина, у этрусков и римлян – Патрио – Отечество. Отсюда и слово патриотизм, не понятное нашим партнёрам, с лёгкостью меняющим место проживания, что родиной не является. Но у нас-то с тобой она есть!

Голубое молоко залива – кисельные крутые берега.

У крутых берегов водятся – представляешь? – и сивучи, весьма ловко ныряющие в охоте за рыбкой, и нерпы, озадаченные тою же проблемой. Причём когда млекопитающих становится слишком много, на кормную базу устремляются хищники покрупней, например касатки!

В воде крупные млекопитающие ловки и изящны!!! И любоваться их охотой можно бесконечно!!! Здесь везде Начало Света! Начало Солнца!!!

И наверное – начало СКАЗКИ!!!, которую я так давно предчувствовала увидеть!!!

Папка, помнишь, малышкой я умучивала тебя вопросами: А где рождаются облака? А где спят ветра?

Ответов твоих я не помню. Наверное, не отвечал.

Не поверишь!!! Я нашла это место!

Мы плыли на лодке вдоль горного массива. И впереди увидела я облако, рождающееся прямо в скале и ниспадающее к воде, как вуаль невесты!

И плыли мы ещё. И поняла я, что плывём прямо в это облако!

И вот уже сплошное молоко и справа и слева. И не понять, как кормчий правит лодкой! И боязно. А вдруг касатка вынырнет перед носом. Или что хуже – наткнёмся на подводный риф! И скорость держим.

И вдруг прямо перед собой, сколько видно глазу – выросла из океана высокая острая скала. И рядом – скала поменьше! Меж ними – узкий пролив, терзаемый волнами.

Глянула я повнимательней и обнаружила – бог ты мой! – на маленькой скале – маяк, что тебе храм беленький маленький! И чаек на нём – видимо-невидимо!

Увидели нас чайки и давай кричать, как заполошные!

Так вот где рождаются облака!

Так вот где спят ветра!

Они слетаются сюда на Начало Света с трёх морей и баюкают яйца чаек.

И то, что нет на самом деле никакого секрета в детском вопросе, показалось мне таким простым и весёлым!

* * *

Восемь часов вперёд – и месяц назад – в весну! Продлить весну возможно ли?

Да. На какое-то время. Но потом, я знаю, мне предстоит резко откатиться в зиму. Стремительно, па.

Айны для лингвиста – предмет изучения. Для торговца – рынок сбыта. Для меня – потерянный рай! Мне кажется, если я раскрою их тайну – то найду и смысл жизни.

Гляди! Это ведь не чайки! Это Люди сбиваются в стаи по привычкам. Писатели узнают друг друга по словам. Нужное слово, оно ведь как код! Вот мы с тобой, па. Одной крови. Да. Но, знаешь ли, никогда не были так далеки физически и так близки духовно, как на этом маяке. И разъединяющим и объединяющим одновременно. Это ж не просто маяк. Это символ!

Проходят годы, и ничего не меняется!

Только посмотри на этот маяк, и ты увидишь не разрушенные облупившиеся стены. Великий коллективизм России – начиная со Святослава, Петра и Сталина и завершая Военной операцией на Донбассе – еле держится от многочисленных волн либерального индивидуализма!

Чиновник, освоившийся в далёком регионе, и не думает об общегосударственных ценностях, точно живёт при Чехове!

Маяк среди людей давно не светит. Он, по большому счёту, давно и уж вообще не маяк вовсе!!! Но он был. А значит, он есть. И будет всегда маяком. Символом света. Помощи. Избавления от беды.

Ты знаешь, маяк изнутри похож на мой мозг, забитый всяким не нужным никому проржавевшим хламом! А в окна, как в дырочки глаз, я вижу, представь себе, море, и горы, и чаек, и солнце!

Помнишь, бабушка читала, пока не стукнешь по очкам: – Ба!

Поэтому разницы никакой. В мобильник люди глядят или в книгу.

А писатель обязан понимать всю подводную лодку московского метро, уткнувшуюся в мобильные телефоны вместо твоей великой книги «Последний остров»!

Тут я чётко осознала, что Последний остров – это не Сахалин! Всё было б слишком просто.

Вот люди со мною в одной лодке сидели. Все в мобильники глядели. Хотя, если б оторвались, заглянули бы мне в глаза. Может, я больше бы рассказала им, чем мобильник!

Фантастический зелёный остров Сахалин, где сбываются сны о любви. Да. О любви. Не ругает меня, что не пишу тебе писем. Да я постоянно пишу тебе, па, точно ты до сих пор ворчишь: «Работай над словом!»

Писатель делает себя сам. Несмотря на то что вместо волос у обоих у нас лохматое белое солнце!

Почему ты решил, что я должна быть лучше Чехова? Не больно-то он редактировал свой «Остров Сахалин»!

Так и остров Сахалин пока не видит меня, несмотря на то что я ем его и пью, на нём сплю. Им дышу. Им думаю! Меня как писателя для него не существует!

Поэтому в моих глазах – штиль. Синий до одури штиль залива Анива!

Я гляжу с маяка в окна и понимаю: НЕТ – не душа моя – проржавевший храм.

А ВСЯ Культура Великой России, загнанная перестройкой в разрушенный маяк собственного бессилия!

Мы, оставшиеся, стоим на крепком фундаменте собственного таланта – и чайки мечтами вьют в нас гнёзда надежд!

Когда я была ещё совсем ребёнком, а не писателем вовсе, несла боль и рыдания тебе. Донесу, ты обнимешь – и боль исчезала.

Здесь, на Сахалине, нельзя плакать, даже когда видишь погасшие маяки! Тем более рыдать об утерянном рае книжного рынка. Можно только улыбаться.

Я донесу до тебя эту улыбку. Только ты способен понять, это не улыбка вовсе, и боль пройдет. Я знаю, папка!

Последнему острову философской мысли как воздух нужно обновление, не оторванное от интеллигентности и здравого смысла.

Нужно новое литературное пространство!!! Где выше закона – любовь. Выше прав – милость. Выше справедливости – прощение.

И лишь когда снова заработают маяки истинного профессионализма, настанет Золотой век страны и мира.

Случались ведь в исторических пластах времён эпохи возрождения!

Вот и получается, пап, что столкнулась я не с маяком в тумане, а со всей прогрессивной литературной проблемой мира.

* * *

Французский разведчик и завоеватель новых, не занятых европейцами земель Жан-Франсуа де Лаперуз, именем которого назван пролив между Японией и Сахалином, как известно, погиб со всем составом возглавляемой им морской кругосветной экспедиции у острова Ваникоро группы Санта-Крус.

Однако его вредоносная миссия для России практически не озвучивается. Хотелось бы напомнить несколько весёлых событий, связанных с этим. Как ты знаешь из романа «Свет отражающий», Первая и Вторая Камчатские экспедиции, благословлённые Петром Великим и обозначившие наши территории на полуострове Камчатка, были совершены до 1742 года. Восток заселялся крайне медленно в связи с удалением от столицы и суровым климатом. Однако нашим людям удалось зацепиться в самой удобной из всех бухт Земли – Аваче. И вот представь картинку. Десятка два служивых, их местные туземные жёны с палочками в носах, с весьма серьёзными лицами и в европейском пышном платье – радушно встречают французские военные корабли «Буссоль» и «Астролябия» под предводительством окаянного Лаперуза, не подозревая, что у него на уме вовсе не полакомиться красной икрой местной горбуши, а забрать у русских землю, где та самая горбуша мечет ту самую икру.

И вот смотри расклад сил. Бороздящие пакетботы испанцев с одной стороны, французов – с другой и англичан – с третьей занимают Америку, Австралию, Индию и т. д. Но наши Севера и наш Восток им не по зубам. Лаперуз, как военный разведчик, конечно же передаёт сведения своим, что гарнизон Авачи охраняет два-три казака и их экзотические жёны.

И вот уже к Аваче спешат военные черти с Европы, наштипованные ружьями, пушками и прочими партнёрскими причиндалами.

Ну а теперь вишенка на торте. Завидев пакетботы, наши казаки что делают, как ты думаешь? Не поверишь!

Они сгребают в охапку ценные вещи, запасы еды, жён и детишек-метисов и уходят в горы, как Алитет!

Французики, борясь с течением, понятно, входят без боя в Авачу. Там никого – запасов пищи нет. Как добывать европейцу рыбу или там медведя, никто не учил. Поводив жалом и предвидя суровую зиму, оледенение бортов и прочее, захватчики не стали рисковать и оставили порт.

А казаки благословенно спустились с гор.

Вот и вся войнушка. Вот тебе и весь Лаперуз. Это потом был Наполеон и оставленная Москва! И как в песне Игоря Растеряева «Русская дорога» – «Природа на войне нам как родная мать, но есть время хорониться, а есть время наступать, запомните загадочный тактический приём, – когда мы отступаем, это мы вперёд идём... вместе с холодами и лесами. Впереди – Сусанин!!!»

* * *

Не представляешь, как здесь красиво!

И знаешь, что я думаю об этой красоте?

Мы, писатели, стуча сердцами в материнском лоне, уже знали, как безжалостно убивать тремя фразами этой красоты, как Чехов!

Создавать координаты четырёхмерного пространства этой красоты, как Пушкин!

Разворачивать тальянкою и обратно сворачивать душу этой красоты, как Есенин!

Говорить стихами в прозе этой красоты, как Паустовский!

Видеть мир красоты в песчинке, как Астафьев!

Ходить босиком по росе этой красоты, как Песков!

Жонглировать глубинными историческими процессами этой красоты, как Гриневич, Вашкевич и Асов!

Создавать мантры сбывающихся снов красоты, как Цветков!

И даже освоили все приёмы образности красоты Писахова!

Если звёзды гаснут, то они больше не нужны???

Если гаснут маяки? Школы? Библиотеки? Если закрываются книжные магазины?

Знаю только, что писатели не гаснут.

Писатели вообще не погаснут, ведь они умеют зажигать звёзды красоты, па!

Письмо третье

Больше всего мне понравился один мужик. Он тусил в группе гастрономических туристов с бааальшим таким тесаком. Мечтал, наверное, найти устрицу и тут же, в воде, сожрать.

Вид у него был, прямо скажу, – бррррутальный!

Остальным выдали спецодежду. И я боролась с диким ветром, пока гуляла по воде, чтобы не утопить камеру и хоть как-то прикрыть грудь от ледяного дождя.

Па... если б не коньяк... то, наверное, кончила б я тут бытие своё, как Чехов!

Пресное озеро, в которое вольно то вливаются, то выливаются морские воды, что кроме прочего бороздит река Шишкевича и протока Аракуль. Своё название лагуна получила в честь первого начальника острова Сахалин – Николая Буссе. В годы японской оккупации её называли Тобути. В окрестностях было два населённых пункта – Муравьёво и Береговое. Они формально и сейчас существуют, только почти обезлюдели.

От моря лагуну Буссе отделяет песчаная коса, а соединяется всё это проходом Сулова, так что в самой лагуне вода солоноватая. Смешение пресной и морской воды позволяет жировать рыбкам и разным морским тварям. Многие из них очень вкусные и полезные деликатесы. При полном отливе можно переплыть внутреннюю реку и попасть на места выброса моллюсков.

Если честно, па, я больше люблю жареную камбалу. Мне её прямо руками выловили. И как ты думаешь, что было дальше???. Сердобольные москвичи поверещали с той камбалой. Поселфировались и выпустили далее плавать!!!

Выпускание с таким трудом добытой пищи обратно в лагуну туристы объяснили «списанием греха за спасённую душу» моллюска!

Но остальных тут же живьём они благополучно съели. Прямо шевелящихся. Клянусь!

Письмо четвёртое

Папка, привет. Измучилась я тут конкретно. Долбит меня акклиматизация. Просыпаюсь в три утра и оставляю тебе сообщения, на ходу догрызая то, что найду в холодильнике! Кофе не спасает. Чувствую себя беременной мойвой, выбросившейся на берег и готовой отметать икру!

Здесь мало книг. И много рыбных рынков. Но Сахалину не скажешь: «Эй! Ты!»

Сахалин – пряная живая видоизменяющаяся энергия: то закроется туманом, то очистится, то глядит в упор своими сине-зелёными брызгами!

Растолковывать тут о моих изданиях, всё равно что чаек кормить «Педигри» и ждать, что они начнут гавкать!

Цитирую Чехова, дабы доказать, что некоторые нюансы на Сахалине почти не изменились. «Если хотите заставить амурца скучать и зевать, то заговорите с ним о... русском искусстве!»

Тут красиво – нет да и увидишь среди пихт и берёз пенно-розовый цвет сахалинской вишни. Японцы её величают сакурой. Остров Сахалин ещё помнит, когда проводили здесь «Ханами» – семейные праздники любования цветущей сакурой, устраивая «танцы вишен».

Народ тут всё душевный. Особенно в музеях! Но на книги и литературу в целом – спроса нет. От слова – совсем!

Ты просил разузнать про айнов. Я спрашивала. Но проводники стойко хранят тайну айнов. Однако следы древнего народа повсюду: в названии рек и гор, в белых снах, туманах, улыбках местных проводников и женщин, торгующих у дорог королевскими крабами и сиропом из клоповки.

Даже в истошных криках чаек мне слышались не стоны моряков, как принято здесь считать, а мятежные песни правдолюбивых айнов.

Говорят, настоящие Айно правдивы и не терпят обманов.

Крузенштерн, кстати, пришёл от них в совершенный восторг.

А. П. Чехов говорил: «Айны – это народ кроткий, скромный, добродушный, доверчивый, общительный, вежливый, уважающий собственность; на охоте смелый и... даже интеллигентный».

В 1853 году Н. В. Буссе, тот самый, на озере имени которого мы были, записал за стариками айно: «Сахалин – земля айнов, японской земли на Сахалине нет».

По расовым признакам они близки к европеоидам, языковые связи точно не выявлены. В описываемое время численность айнов на Сахалине составляла до трёх тысяч человек, а на острове Хоккайдо – до полутора миллионов. Николай Задорнов утверждал, что в его времена они почти вымерли.

В первых сообщениях японцев «РУССКИЕ» на Хоккайдо – Матмае – упоминаются как «РЫЖИЕ АЙНЫ».

Итак, АЙНУМОСИРИ – земля айнов. Сахалин – «САХАРЭН МОСИРИ» – где сир-шир практически одно и то же – «волнообразная земля», Итуруп означает «лучшее место», Кунашир – Симушир – «чёрный остров», «шир» и «котан» названия Шикотан – Шиашкотан означают соответственно «участок земли» и «поселение».

Указ Екатерины II велел Сенату освободить айнов, принявших российское подданство в 1779 году, от податей.

Японский математик и астроном XVIII века Хонда Тосиаки писал, что «...айны смотрят на русских как на родных отцов».

К концу 80-х годов XVIII столетия острова объявлялись владением России.

В 1945 году японцы выселили всех АЙНОВ с Сахалина и Курильских островов на Хоккайдо.

Судьба АЙНОВ на Хоккайдо – МАТСМАЙ сокрыта за семью печатями, идёт усиленный процесс японизации айну.

В настоящее время айны Хоккайдо перешли на японский язык, айны России – на русский. К 1996 году полностью владевших айнским было не более 15 человек.

У айнов не было своего письма, лишь устное творчество в стихах и прозе.

Хотя японцы организовали настоящий геноцид айнов, оправдывая свои действия тем, что его представители якобы «эбису» (дикари) и «тэки» (звери). Однако «варварами» айны не были. Их культура ДзEMON является одной из древнейших в мире. По разным данным, она появилась ещё 5–8 тысяч лет назад, когда о японской цивилизации ещё никто не слышал.

В отличие от японцев, русские казаки их не убивали. После нескольких стычек между похожими внешне голубоглазыми и бородатыми пришельцами с той и другой стороны установились нормальные дружеские отношения.

Смешно, у нивхов мировой минимум роста бороды и усов, у айнов и армян – максимум мировой (под 6 баллов).

В бою айнами использовались наконечники с шипами, встречались наконечники и необычного, Z-образного сечения, изготовлялись из металла и обмазывались аконитовым ядом «суруку». Корень аконита измельчали, замачивали и ставили в тёплое место для брожения. Палочка с ядом прикладывалась к ножке паука, если ножка отваливалась – яд готов. Из-за того что этот яд быстро разлагался, его широко использовали и на охоте на крупных зверей. Древяк стрелы делали из лиственницы.

Мечи у айнов были короткие, 45–50 сантиметров длиной, слабоизогнутые, с односторонней заточкой и полутораручной рукоятью. Айнский воин – джангин – дрался именно двумя мечами, не признавая щитов. Гарды у всех мечей были съёмные и часто использовались как украшения. Существуют сведения, что некоторые гарды специально полировались до зеркального блеска, чтобы отпугивать злых духов.

Кроме мечей, айны носили два длинных ножа «чейки-макири», ритуальный нож для изготовления стружек «инау» и «са-макири», перешедший потом к японцам для ритуала «ха-ракири». Мечи айны выставляли на всеобщее обозрение только во время Медвежьего праздника. Старинное предание гласит: «Давным-давно, после того как эта страна была создана Богом, жили старик-японец и старик-айн. Деду-айну было велено сделать меч, а деду-японцу – деньги, далее объясняется, почему у айнов был культ мечей, а у японцев – жажда денег. Айны осуждали своих соседей за стяжательство».

Красные круги на груди доспеха из морского тюленя символизируют трёхмирье: верхний, средний и нижний миры. Аналогичные круги изображены также и на спине.

Айнские воины – джангины – отмечались как очень воинственные, они были неспособны ко лжи.

Пиктограммы, руны или символы обнаружены на некоторых островах и на бытовых предметах айнов.

Существовало поверье, что айны могли напускать туман.

На протяжении многих лет айны не раз поднимали восстание против японцев, но каждый раз проигрывали. Японцы приглашали предводителей к себе для заключения перемирия. Свято чтя обычаи гостеприимства, айны, доверчивые как дети, не мыслили ничего плохого. Их убивали во время пиршества. Как правило, иные способы подавления восстания у японцев не удавались.

Чехов свидетельствует, что повсюду на Сахалине были айнские поселения. Причинами «исчезания айно» обозначены болезни – «сифилис, цинга; бывала, вероятно, и оспа».

Сказки айнов, дошедшие до наших дней, односложные. Наивные.

Айно исчезали быстро, буквально – на глазах!

Письмо пятое

Привет, па.

Так много хочется рассказать тебе! Повсюду удивление и восторг!

Берега родников питают тысячи соцветий, похожих на эскимо в зелёных шоколадных конвертах острых листьев. Это достаточно крупные дикие каллы, названные во Вьетнаме Цветами женского счастья. Их дарят невестам и женщинам до свадьбы. Лизихитон камчатский из семейства ароидные произрастает также на Курильских островах, Камчатке, на Дальнем Востоке, в Японии. А на материке дикие каллы растут в болотистых местах, и даже у нас во Владимирской области, только они раза в три мельче, и называются в народе белокрыльник.

Лопухи тут, кстати, тоже гигантские.

А ещё склоны усыпаны сплошь анемонами – местными подснежниками. Он же сахалинский ветреник. Или ветреница – кто как называет.

На Сахалине есть несколько уникальных пород деревьев. Я думала, это ельник. Но какой-то уж он оказался подозрительно частый! Идеально-красивый. Пригляделась – не поверила! Ствол, как у осины! Шишечки длинненькие, как у сосны! А хвоя, как у тисса! Да это же та самая легендарная пихта, смолу которой сибиряки добывают! Помнишь, ты о живице рассказывал!? Вот же она!!! Живица пихты в Сибири ценится дороже соболя!

Пихтовый бальзам – не единственное полезное свойство дерева. Фитонциды, распространяющиеся на весь наш Дальний Восток, благотворно влияют на здоровье.

Пихта сахалинская достаточно морозостойка, но из-за повышенных капризов к влажности дерево встречается ближе к океану – на Камчатке, Сахалине, Курилах, Хоккайдо.

Или вот – берёза Эрмана, или сахалинская каменная берёза. Её ареал – весь юг Сибири, Дальний Восток, Камчатка, Сахалин, Китай, Корея, Япония!

Рубить невозможно – от пилы искры летят. Но горит хорошо и долго.

Местное население кашу из коры каменной берёзы в своё время ело.

Встречаются полянки и других белолепестковых нежных эндемиков трилистников. Редчайший белый камчатский трилистник, или триллиум, высыпает яркими белыми звёздами среди зелёных трав по всему побережью Дальнего Востока! Съедобен. Но чтобы окончательно не сожрали, занесён в Красную книгу!

По легенде, это тот самый цветок... помнишь надпись на Алантейской доисторической стеле? Фрагмент четвёртый. Расшифровка Ван Видера: «...по крутому горному склону на ловитву я шёл и редчайший цветок узрел, сулящий счастье и долголетие почётное нашедшему. И сорвал его. Но когда срывал, камушек малый нарушил стопою своей, и покатился он вниз, и увлёк за собою другие камни. И родился обвал, и обрушился в долину на дом ближних моих. Ответь, путник: виновен ли невиновный? Грешен ли не замышлявший зла, но причинивший?»

Ты не виновен, говорит мне разум. Но почему же лачугой должника, пещерой изгнанника, ямой прокажённого стал для меня мир подзвёздный?»

Цветок добыла на горном склоне. Ни один камешек стопою не нарушила. Обвал не сотворила.

Счастье обрела.

Кстати, трилистниками тут питаются разные зверушки. Тоже занесённые в Красную книгу. Тех и других здесь превеликое множество!

Через дикий лес меж сопками и горами дорога ведёт вверх по серпантину, изрезанному множеством водопадов и водопадиков весенних ручьёв, родников и речушек. Залив дарит себя вдруг. Сразу. Наотмашь! Внахлёт! Волнами и ветром врывается в душу. Надолго. Всерьёз. Навсегда! Клянись! Раз такое увидишь – не забудешь вовек!

Не поверишь! Оказывается, «На острове нормальная погода» – в переводе на русский литературный полная дрянь! Душу просто выдуло из твоей авантюристки!

Ливневые дожди, сплошняком укутавшие туманом Сахалин, с вечера напугали туристов, желающих посетить визитную карточку Сахалина – мыс Птичий Корсаковского района на южном побережье Охотского моря. Именно оттуда дразнят причудливыми очертаниями скальные арки кекуров и камней – останцев, на которых располагаются птичьи колонии. Названия и мысу Птичьему, и мысу Великан дал Крузенштерн, атласы которого я транслировала тебе из Павловского военного центрального архива Петербурга. Помнишь?

Чтобы попасть к этим сказочным аркам, надо пару часов в ливень разводить разговоры через горы. Не ругайся! Риск был только на перевале! И к тому ж на мне – все тёплые вещи.

Как я люблю синоптиков! Обещанный дождь прекратился, только выехали с Южно-Сахалинска! Соответственно, толпы селферов отказались от путешествия. Но мы же с тобой лёгких путей не ищем!

Спрашиваешь, что меня занесло? – НЕ знаю. Несло-несло и пообтесало острые бока со всех сторон. Почти круглая уж я стала. Покладистая. Самой противно. Слова плохого не скажу. Да уж и не хочется. Соблюдаю правила древних айнов – «если нечего хорошего сказать человеку – молчи!»

Острые слова все про себя и так знают. Да в них ли дело? Бог – ведь любовь. А любовь – не дразнить людей дерзостью, НЕ КРИЧАТЬ, КАК ЗАПОЛОШНАЯ ЧАЙКА, а радовать. Вот и Сахалин меня радует. А я – его. Радуемся вместе. И тебя обрадовать спешу. Жива-здорова, что и тебе желаю. А что плохо, так то дело переживное. Перемальваемое, как те камни, что с круч летят для дальнейшей обкатки морем. Но они красивые, па, глаз не отвести!

Здесь дни летят, что годы. Не потому, что длинные, а потому, что насыщенные. Не понимаю – как так? Порой в один день пол-острова в душу умещается!

Ты учил: «Ни дня без строчки». Я не могу так. Ну какие строчки в сплошной «День сурка»? Пусть годы летят – ничего не меняется. А вот когда ты срываешься и попадаешь в другой мир – тогда да. Тогда строка за строкой летят. И не удержать процесс потока.

Каждый миг, как вселенная. Тогда каждая строка, как взлёт радости, боли или мимолётного негодования и печали. Берите, люди! Через меня Бог осыпает вас дарами. Он верит в вас!

А вообще Сахалин мне нравится.

Это действительно остров свободы. А там, на материке, люди, как каторжники к тачкам, прикованы кандалами к работе. Семьям. Обязательствам.

Директор – к предприятию.

Пенсионер – к пенсии.

Учитель и ученик – к урокам.

Военные – к приказу.

«Остров Сахалин» освежил в памяти факты великой трагедии ссыльных каторжников, выжившие из которых становились поселенцами, чтобы тут же забыть своё прошлое.

А как не забыть? Красота САХАЛИНА сурова – НО ТАК ЖИВИТЕЛЬНА И НЕОБЫКНОВЕННА!

ПРИНИМАЮ САХАЛИН со всей брутальностью свинцового моря. Дикошаростью корней и суцьев, стирающих в кровь ноги. Теплом пойманных руками камбал. Деликатесами, которыми кормил до забытия чувства голода. Брошенными к моим ногам миллионами призрачных цветов, сулящих счастье. Осиянной нежностью царских лепестков розовых сакур. Горячей любовью шквального, ледяющего душу ссыльного каторжника-ветра. Возникающих привидениями из тумана маяков. Безжалостной милостью ослепляющего Начала Света.

Чем выше по серпантину, тем белее становится белый Свет. Начало Света России ослепляют белый туман и белые берёзы. Признаюсь честно! Ни разу не видела на вершинах высоких гор так много белых берёз. И белых цветов!

Фантастическая картинка усиливается туманом белого облака, в которое мы стремимся попасть и наконец попадаем.

Мы дышим туманом. Мы становимся им, наконец.

И ты знаешь, какие ощущения, которые не может передать видеокамера? Он – тёплый! Облако – почти уже мы!

Чем дальше в реликтовый лес, буквально заваливший нас белыми весенними цветами, тем причудливей корни и крона. Стволы выворачивает влагой моря и ветром.

Изножья покрыты бархатом ярко-зелёных мхов.

Как растёт изнутри клетка, дерево, человек, так растёт самосознание дальних регионов России. Само-сознание – это уже не массовое «Ура!». Это осознанная работа на общество. Если учесть факты, описанные Чеховым о первых поселенцах, созданных из ссыльных каторжников, прикованных кандалами к тачкам, и скорбной жизни женщин, то качественный скачок душевных качеств населения наблюдается, конечно же, колоссальный!

Я не понимала раньше, пап, зачем Антон Павлович вообще поехал на Сахалин за свои деньги. В те годы он уже состоялся как прозаик. И кстати говоря, подцепил туберкулёз, который по возвращении домой угробил Чехова окончательно.

Некоторые говорят, что он отправился на Край Света с целью переписи населения. А вот сам-то Чехов пишет, что он занялся переписью лишь с целью познакомиться с фактурой острова и людьми. Он создал ряд вопросов. И поселенцы охотно переходили от основных вопросов к тому, что волновало их на самом деле.

Думаю, им движела всё-таки любовь к путешествиям. Авантюризм, от французского слова *aventure* – рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех.

Помнишь, Чехов сказал о Сахалине: «Опять я хожу по берегу и не знаю, что с собой делать.

И зачем я сюда поехал? – спрашиваю я себя, и моё путешествие представляется мне крайне легко-мысленным».

Знаешь?

Камни имеют право хранить молчание. Их уважают. Берегут. Отчасти потому, что они тоже кое-что помнят из истории айнов.

Скоро здесь все пресные ручьи вскипят горбушей. Придут на ловлю медведи.

А я уеду, па.

Письмо шестое

Привет тебе с бухты Тихой. Сахалин решил побаловать меня солнцем! Кстати, и умными предупредительными деликатными попутчиками.

Нигде мне не везло так, как тут.

Правда.

Возвращаясь с Сахалина, я поняла, па.

Последний остров, о котором ты писал, это не Сахалин. Точно. Это Москва, па!

Сюда со всей России стекается великий разум.

Самые красивые девушки. Самые талантливые учёные. Здесь небо благословляет мудрых. А преисподней рулят великие деньги.

Выбрасывается в космос колоссальная энергия, вращая Колёса Сурьи, прости, хотела сказать – Галактики! Конечно!

Да! Москва – мой сбывшийся сон. Буду теперь орать в Москве, рассказывая про Сахалин и трепеща руками, как чеховская Чайка! Летать, как чайка! Откладывать в маяки закрывающихся библиотек яйца книг о Небе! О свободе! О море! О счастье! О том, где рождаются облака и спят ветры, па!

Возвращаюсь домой с пустыми руками. Вся, как ни есть вся пропахшая соком королевских крабов.

Прости. Я так и не узнала тайну айнов.

«Мой Сахалин», похоже, никак не мог привыкнуть к мысли, что он мой! Навеки!

Я прожила с ним неделю. А кажется, целую жизнь. И мужем мне был этот почти первобытный зелёный остров.

